

И вот, говоря коротко, высадился сэр Тристрам на острове, огляделся и увидел: у дальнего его конца стоят под берегом на якорю шесть кораблей, а в тени их, на берегу, дожидался благородный рыцарь сэр Мархальт Ирландский. И приказал тогда сэр Тристрам свести на берег своего коня. Оруженосец его Говернал надел на него, как надо, все доспехи, и сэр Тристрам сел на коня.

И, сидя на коне во всем облачении, со щитом, висящим через плечо, спрашивает сэр Тристрам Говернала:

– А где, же тот рыцарь, с которым мне надо биться?

– Сэр, – отвечал Говернал, – разве вы его не видите? Я полагал, что вы его уже заметили, ведь он дожидается верхом на коне в тени своего корабля с копьем в руке и со щитом на плече.

– Да, верно, – говорит сэр Тристрам. – Теперь я его вижу.

И приказал он Говерналу возвратиться на судно.

– И передайте мой поклон дяде моему, королю Марку, да, просите его, если погибну я в этом бою, пусть похоронит мое тело, как сочтет лучше. Что же до меня, пусть он знает, что я никогда не поддамся страху и не отступлю, а если я погибну, но не побегу, то не на мне будет вина в том, что им придется выплачивать ту дань. Если же я все-таки дрогну и побегу или же попрошу пощады, так и скажите моему дяде – пусть после смерти не дожидаться мне христианских похорон. Ты же под страхом смерти, – так сказал сэр Тристрам Говерналу, – не смей приближаться к этому острову, покуда не увидишь, что я побежден и убит или же что я одолел того рыцаря.

С тем они расстались, горько плача.

7

А сэр Мархальт увидел сэра Тристрама и сказал так:

– Юный рыцарь сэр Тристрам, зачем ты здесь? Горько я сожалею о твоей храбрости, ибо да будет тебе известно, многие благородные рыцари выходили против меня, и с лучшими рыцарями этой страны я мерился силой, но даже и лучшие рыцари мира были мне не страшны. А потому мой совет тебе: возвращайся на свой корабль.

– О славный и испытанный рыцарь, – отвечал сэр Тристрам, – да будет ведомо тебе, что я не отступлю перед тобой в этом деле, ибо ради того, чтобы биться с тобою, был я посвящен в рыцари. Знай, что я сын короля, рожденный королевой, и по просьбе моего родича, а также по собственной моей воле я дал слово биться до последнего и освободить Корнуэлл от старой дани. И еще знай, о сэр Мархальт, ведь мне лишь храбрости придает то, что тебя почитают одним из самых знаменитых рыцарей мира. Эта слава твоя громкая лишь побуждает меня к бою, ибо никогда еще я не пробовал силы в поединке с настоящим, многоопытным рыцарем. Я только сегодня получил посвящение в Рыцарский Орден, и потому я весьма радуюсь, и это для меня величайшая честь – сразиться с таким рыцарем, как ты. Знай, сэр Мархальт, что я намерен добыть себе чести твоею кровью. Пусть я еще ни разу не отличился в бою – сегодня я надеюсь, по милости Божией, с честью выказать мою доблесть в сражении и навечно избавить земли Корнуэлла от всякой повинности перед Ирландией.

Выслушал сэр Мархальт все, что пожелал он сказать, а потом говорит в ответ:

– Любезный рыцарь, раз уж ты вознамерился завоевать себе чести в поединке со мною, то знай, что честью тебе уже будет, если ты выстоишь хотя бы три моих удара. Ибо да станет ведомо тебе: за мои подвиги, всем и всюду известные, сам король Артур возвел меня в рыцари Круглого Стола!

И вот выставили они копья, ринулись друг на друга и сшиблись с такой силою, что сбили один другого наземь, и коней вместе со всадниками. Но сэр Мархальт при этом нанес сэру Тристраму копьем в бок жестокую рану.

Выпростили они ноги из стремян, извлекли из ножен мечи и, выдвинув щиты перед собою, стали рубиться дико и неустрашимо. Долго они так рубились, покуда руки им не отказали и не стало больше у них сил взмахивать мечами, и тогда перестали они сечь сплеча, а принялись разить и колоть друг друга в грудь сквозь панцирь и в лицо сквозь забрало. Но видя, что и так ни тот, ни другой не могут взять верх, схватились они друг с другом врукопашную и, сцепившись, точно два матерых тура, стали валить один другого наземь.

Так, не расходясь, бились они и рубились полдня, и оба были уже столь жестоко изранены,